

Восставшие крестьяне арестовывались и привлекались к суду. Летом – осенью 1812 г. в созданных французскими властями судах дела подобного характера занимали главное место. Их относили к категории уголовных.

Таким образом, факты свидетельствуют, что вместо ожидаемого освобождения армия Наполеона принесла в Беларусь непосильные реквизиции и грабежи. Одних только мародёров бродило по белорусской земле и терроризировало население до 50–60 тысяч человек, то есть около десятой части вступившей в пределы Российской империи Великой Армии превратилась в бандитов, бродивших по её тылам [3, с. 105]. «Беспорядки и грабежи ... были первым злом, и мы заставили крестьян чуждаться нас», – писал адъютант Наполеона Арман де Коленкур [6, с. 188].

1. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. – Вильна: Губ. тип-я, 1913. – Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. – 1, 128, 356 с.
2. Бабкин, В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. / В.И. Бабкин // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. – М.: Наука, 1969. – С. 343–350.
3. Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам: В 3 т. / М.И. Богданович. – СПб.: Изд-е тов-ва «Общественная польза», 1859–1860. – Т. 2. – 1860. – 654 с.
4. Ерашэвіч, А.У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.): Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.У. Ерашэвіч. – Мінск, 2003. – 211 с.
5. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг. – СПб.: Тип-я В. Безобразова и К^о, 1881. – Т. 2: 1810–1812 гг. – [8], 132, XXXII, 758 с.
6. Коленкур, Арман де. Поход Наполеона в Россию / Арман де Коленкур. – Смоленск: Смядынь, 1991. – 368 с.
7. Кудряшов, И. Призрак Великой Литвы / И. Кудряшов // Родина. – 1992. – № 6–7. – С. 32–35.
8. Ливчак, Б.Ф. Народное ополчение в вооружённых силах России 1806–1856 гг. / Б.Ф. Ливчак // Свердловск. юр. институт. Учёные труды. Серия «История государства и права». Т. 4. – Свердловск, 1961. – 272 с.
9. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-учёного архива Главного штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Издание Главного управления Генерального штаба. – СПб.: Тип-я Бережливость. – Т. VII: Подготовка к войне в 1811 г. (Декабрь месяц. Документы без дат). – 1907. – 342, XXXV с.; Т. XVI: Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). – 1911. – XI, 283 с.
10. Полоцко-Витебская старина. – Витебск: Изд-е Витебской учёной архивной комиссии. – Вып. 2. – 1912. – 368 с.; Вып. 3. – 1916. – 330 с.
11. Попов, А. Белорусский эксперимент Бонапартия. (Что побудило французов сохранить зависимость крестьян от помещиков.) / А. Попов // Родина. – 2002. – № 8. – С. 36–39.
12. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год / Е.В. Тарле. – М.: Воениздат, 1992. – 304 с.
13. Французы в России. 1812г. по воспоминаниям современников-иностранцев – М.: Задруга, 1912. – Ч. 1. – 200 с.
14. Харкевич, В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы военно-учёного архива Главного штаба: В 4 вып. / В.И. Харкевич. – Вильна: Тип-я штаба Виленского военного округа, 1900–1907. – Вып. 1. – 1900. – 255 с.
15. Шымук, Б.П. Падзеі 1812 года на Дрысеншчыне / Б.П. Шымук // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Верхнядзвінскага раёна: у 2 кн. – Мінск: «Паліграффармленне», 1999. – Кн. 1. – С. 62–65.

Д.Н. Петров

ФРАНЦУЗСКИЙ РЕЖИМ В МОГИЛЕВЕ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1812 Г.

Современное международное право признает оккупацией временное занятие вооружёнными силами воюющей стороны в международном конфликте территории неприятеля в период ведения военных действий. Право военной оккупации регулирует отношения между оккупирующей державой, с одной стороны, и полностью или частично оккупированным государством, с другой [3, с. 387]. Институт оккупации как правовой режим порождает целый комплекс правоотношений, которые касаются различных сфер: соблюдения законов и обычаев ведения

войны, управления, правовой регламентации положения населения оккупированной территории, в целом, соблюдения норм гуманитарно-правового характера. В настоящее время режим военной оккупации детально регламентирован международно-правовыми актами, такими как Гаагские конвенции 1899, 1907 гг., Женевские конвенции 1949 г. и др. В силу этого определен историко-правовой интерес представляет изучение специфики режима французской военной оккупации во время 1812 года на примере Могилева.

Для Могилева оккупация началась в начале июля 1812 года: «8 июля маршал Даву вошел с корпусом в Шкловские ворота. Немедленно было составлено Временное правительство по военной части. Комендантом города польских войск полковник Роминский; по гражданской же бывший Губернский предводитель дворянства Крогер и помещики Лускина и Венцолович: ревностные приверженцы Французам, они делали раскладки сколько всякой помещик должен был доставить припасов во Французскую армию и город, что и было доставлено с большим убытком, как провиант, рогатый скот и лошади... Евреи исполняли обязанности, на них налагаемые, содержали бельем, припасами и всем нужным госпиталя; по врожденной им алчности неохотно расставались со своим добром и потому более показывали приверженность к России, нежели Поляки» [2, с.10]. В Записке могилевского коменданта Г.С. Окунева о событиях 1812 года сообщалось: «маршал Даву с корпусом вошел в город после упорного сражения с корпусом Раевского под Салтановкой. Весь город был завален ранеными по улицам, все присутственные места и лучшие дома были наполнены ранеными французами: жители, кои имели способы, все сбежали, но большая часть была захвачена и возвращена в город; пленные, бежавшие из команд и полков, принадлежащих к данному краю и Польскому, распушены по домам. Русские же были отсылаемы по усмирению за конвоями куда следует в безопасные места» [2].

Также сразу была предпринята попытка сделать рекрутский набор, которая закончилась провалом. Удалось набрать всего лишь около 400 человек, которых назвали Народной гвардией. Обучали азам военного дела под руководством французских офицеров, при этом, не выдавая рекрутам оружия (данная гвардия ничем себя не проявила, и при освобождении Могилева русскими войсками разбежалась, сдав русским казакам под местечком Княжицы своего предводителя и могилевского коменданта Роминского). Следующим шагом, предпринятым французскими властями, было приведение могилевского дворянства, шляхты, Греко-римского и иностранного духовенства к присяге на верность Наполеону. В документах из Архива Священного Синода, касающихся дела могилевского архиепископа Варлаама, можно встретить следующий документ: Форма присяги на имя Французского Императора и Итальянского короля Наполеона: «Я, нижеименованный, клянусь Всемогущем Богом в том, что, установленному Правительству от Его Императорского Величества, Французского Императора и Итальянского Короля Наполеона, имею быть верным, и все повеления его исполнять, и дабы исполняемы были, стараться буду» [2]. 13 июля 1812 г. могилевскому архиепископу Варлааму прислали уведомление об учинении присяги на верность Наполеону и об упоминании Наполеона и его супруги императрицы и королевы Марии Луизы при богослужении. Аналогичные указания были даны относительно упоминаний Наполеона и в римско-католических костелах. Особые указания Временным Правительством даны в отношении церковных церемониалов. Звонить Благовест было приказано только в один маленький колокольчик, а остальные колокола подвязать для того, чтобы в случае необходимости снять их для литья орудий. В остальном же в могилевских церквях

проходило обычное церковное богослужение. Сами церкви французами были сохранены в благополучии, не грабились и в них не размещались конюшни.

Также был установлен новый обменный курс валют – 1 франк стоил 80 русских копеек.

На должность гражданского губернатора был назначен командующий Первым корпусом маршал Даву, чьей резиденцией стал губернаторский дом, а вместо Губернского правления была учреждена Временная комиссия под его управлением. Вторым после маршала Даву начальником в Могилевской губернии становился генерал Польской армии Пакош, который квартировался в архиерейском доме со своей администрацией, а Спасская церковь становилась его придворным костелом. Могилевская семинария отдавалась под швейную, в которой могилевские портные и сапожники шили мундиры и сапоги для польских и французских полков.

Особое внимание было уделено формированию системы местных органов государственной власти и управления вместо упраздненных учреждений, действующих ранее. Высшим должностным лицом становился военный генерал-губернатор маркиз Далорно. В уездах создавались комиссии под председательством подпрефектов, города управлялись мэрами. Центром управления являлся Могилев, в котором учреждались:

1) Губернская гражданская комиссия в составе: член Могилевского суда 2-го департамента бывший председатель Юрий Лускин; маршал дворянства Сенненского повета Эртман; войский Голынский; Копытский поветовый маршал Ножделовский; бывший председатель Департамента Могилевского главного суда; переводчик Томашевич; коллежский секретарь Боржаловский (секретарь). В функции комиссии входил сбор провианта, фуража, набор конных и пеших жандармов.

2) Поветовая комиссия – занималась сбором продовольствия;

3) Мэр (префект) – заведование Могилевом и поветами всей губернии;

4) Главный фискал (бывший могилевский прокурор Вакар);

5) Магистрат;

6) Подпрефектура – в ее функции входило управление внутренними делами города, но фактически ограничивалось поставками в армию;

7) квартиреры, ратманы, секретный курьер и аптекарь.

Был предпринят ряд мер военного характера. В городе были установлены артиллерийские батареи, построен понтонный мост. Система фортификационных укреплений, некоторые улицы были закрыты для прохода.

Оккупационными властями были назначены и конкретные количественные показатели сборов с населения. За все четырехмесячное нахождение французов в Могилеве с населения брались контрибуция и провиант. Так устанавливался рекрутский набор: 1 рекрут с 25 крестьян и 1 лошадь с 25 душ. Шкловские евреи сделали более 5000 башмаков, 3000 мундиров для французских войск, кроме этого было назначено собрать 30 000 шуб. В денежном эквиваленте в Могилеве было собрано с «жидовского кагала» более 30 000, а с крестьян и мещан – более 15 000.

Кроме этого, были предприняты попытки введения на территории Могилевской губернии норм французского брачно-семейного права. Так, предполагалось ввести временные и вечные браки - временные браки сроком на 2,3, 5 лет и т.д., а вечные – до смерти одного из супругов. Вечные браки заключались на основании единодушного согласия мужа и жены, а вечные – на основании церковного бракосочетания без права развода.

В целях недопущения грабежей частной собственности и во избежание крестьянских волнений польские солдаты размещались на проживание в загородные дома и фольварки, являясь гарантом ее неприкосновенности и защиты, а так-

же контролируя послушание крестьян своим помещикам. Имели место случаи расстрела французскими властями французских солдат, уличенных в кражах имущества у жителей Могилева.

В результате оккупации Могилевская губерния потерпела убытки до 18 миллионов деньгами и убыль населения в 72797 человек. После оставления Могилева французами полковые командиры освобождавших город русских частей с удивлением отмечали: «город Могилев благополучен весь уцелел, да и нет благополучнейшего города из всех городов, забраны неприятелем, как Могилев; а нашу то матушку Москву неприятель деревнею сделал», а другие офицеры говорили: «да кто причиной этому, что город Могилев остался после неприятеля благополучен, не разорен, и даже следа нет, что неприятель был в нем», и сказав сие, указал офицер на одного иеромонаха, в то время там стоявшего, и сказал: эти игумены причиною благополучия города Могилева, они с Крестом и Евангелием пали на колени пред Наполеоном и присягнули ему; что город защищали, то это хорошо, что они подданными Наполеоновыми стали» [1, с. 87–88].

Таким образом, французский оккупационный режим в Могилевской губернии летом-осенью 1812 года в целом соответствовал нормам и принципам «права войны» того периода, отличался относительной мягкостью и лояльностью, не носил реакционно-карательного характера. Во многом это было обусловлено отсутствием вооруженного сопротивления со стороны жителей Могилевской губернии и принесением присяги на верность французскому императору.

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси. Том 2. Приложение. Записки игумена Ореста. – Вильна: Печатня губернского правления, 1867.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные, по поручению Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича / под редакцией К. Военского. – Т III. Белоруссия в 1812 году. – Санкт-Петербург, 1912.
3. Васильева, Л.А. Международное публичное право: учебное пособие / Л.А. Васильева, О.А. Бакиновская. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 576 с.

В.В. Горидовец

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВНОГО И УНИАТСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1812 ГОДА

Учитывая тот факт, что в ходе военной кампании 1812 года французская военная администрация на захваченных территориях не требовала от священнослужителей отречения от Церкви и веры в Бога, представляется наиболее корректным в ходе настоящего исследования оценить в большей степени гражданскую позицию служителей Церкви в этот период.

Наиболее объективно состояние церковно-приходской жизни в пределах Витебской губернии во время французской оккупации излагается в переписке Святейшего Синода Русской Православной Церкви с разными должностными лицами: архиепископом Рязанским и Зарайским Феофилактом (Русановым), Полоцким униатским архиепископом Иоанном Красовским, представителями военной и гражданской администрации населенных пунктов губернии [2, с. 2].

Из этой переписки известно, что для налаживания церковной жизни на территории освобожденных от французов губерний, 27 ноября 1812 года Императорским рескриптом был командирован в Смоленск и сопредельные области член Святейшего Синода архиепископ Рязанский и Зарайский Феофилакт (Русанов). Он собрал сведения о состоянии приходов и Могилевской епархии, одну пятую часть которой составляли православные приходы Витебской губернии [2, с. 3].